*«Где найти мне слова
Для возвышенной песни живой».*
Н. Заболоцкий.

«Утешайте, утешайте народ Мой , говорит Бог ваш. ... Возвещайте ему, что исполнилось время борьбы его, что за неправды его сделано удовлетворение, ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи свои».
(Ис. 40: 1-2)

ЖИВОЕ СЛОВО

Фаина СОЛОМАТОВА

Во грехах родились...

Катя диковато застреляла глазами, заповаживала плечами. Вскочила - и в лес! Разве мне угнаться?!

- Катюша, я вот начала да и забыла, - скороговоркой залепетала Фенюшка, стараясь вновь завладеть ситуацией.

- Мне все равно, - буркнула девушка и продолжала испуганно озираться.

- Успокойся, дорогая. Все хорошо будет, - тетка крепко обхватила племянницу.

Та вздрогнула и резко отстранилась. А потом обмякла и притихла, как будто спрашивая, а что дальше-то будет?

- Я, Катенька, за свою жизнь не раз была крепко напугана. И тоже хотелось, чтобы время остановилось. В первый раз в детстве, когда церковь рушили. Помню, бабы воют, ребятишки за ними подтягивают. Мне храм был вторым домом. В хоре я пела. Голосок-то чистый, звонкий, как ручеек незамутненный. Думаю, помолюсь Богородице, она и прекратит эту напасть, а если же я сплю, то вмиг сон оборвется. Пальцы-то щепоткой собираю, а они одеревенели, не слушаются. Так и не смогла перекреститься. Я бы упала, наверное, но стена рядом была, так я к ней прислонилась. Голова трещит, а перед глазами белые крупные снежинки мельтешат. Глаза сжимаю, а веки прикрыть не могу.

- Что же ты такое увидела? - усмехнулась племянница.

- Тебе, Катенька, трудно понять. Нас в те времена не так воспитывали. К Богу мы льнули. А я в храме каждый уголок знала, каждый сучок на полу помнила. И такое светопреставление! Иконы снимают и в телегу бросают, как снопы или мешки. Хорошо, что Ефимушка ко мне подскочил.

- Батюшка-то наш уже на небесах, - затараторил юродивый, - он там за нас, грешных, похлопочет, не оставит без присмотра. И мы следом все туда отправимся, - показал Ефимушка на купол, где Ангел-Хранитель распростер крыла на белоснежном облаке.

- Что скачешь, бесноватый? Не вертись под ногами, мать твою, - цыкнул на Ефимку незнакомый рябой мужик.

- Язык- то у тебя отсохнет. И сам ты, как береста, на огне скожелишься. А я обрадуюсь и свечку за упокой твоей души поставлю, - захохотал Ефимка.

- Вали, дурак, отсюда! Не то по стенке размозжу, - нехорошо ощерился бородач.

Перед глазами у меня опять замельтешило: то вижу грустные глаза Всевышнего, то злые - незнакомца.

- Пойдем отсюда, - потянула я за рукав Ефимку.

- Погоди, Фенюшка, ко мне Пресвятая Богородица должна в гости наведаться, - горячо зашептал Ефимушка. Она меня любит за сиротство и еще за то, что я - дурачок. Я многую благодать имею...

Он так увлекся рассказом, что не заметил опасности. Сверху слетела доска и зацепила Ефимушку, правда, только щеку поцарапала. Из раны потекла кровь.

- Допрыгался, придурок! Пришибет раззяву, а нам за тебя отвечать! - набросился бородач на Ефимку, выпроваживая его из храма.

Юродивый заупирался, забранился.

- Это Бога дом на земле. И ты в нем не хозяин. Антихрист одолевает, - заскулил жалобно Ефимушка, размазывая кровь по лицу и рукам. С интересом принялся разглядвать окровавленные пальцы. Полизал, понюхал.

- Скусная кровушка-то... Попробуй-ка, - и провел пятерней по губам бородатого, - причастие святое... Не твое, Богово...

Мужик опешил. Потом брезгливо вытерся рукавом рубахи и сплюнул в сторону.

- Уйди от греха подальше, - процедил он сквозь зубы.

А Ефимушка уже, наверное, позабыл и о чужаке, и об обиде.Он, смеясь, приплясывал у иконы Казанской Божьей Матери:

- Слава Тебе, Господи, слава Тебе!

Вдруг резко остановился и задрал голову. Смотрел на купола, шевелил губами, как будто с кем-то неведомым беседовал.

- Терпеть долго придется. Надоест, а будем. Так Ему угодно. Испытать нас.

Потом упал на пол и притих. Я подумала, что Ефимушка умирает, закричала и убежала из храма. Он не умер, но с той поры стал странный какой-то, пугливый и задумчивый. Бывало, что-нибудь спросишь у него, вздрогнет, голову руками прикрывает. Все ему, сердечному, блазнило, что на голову ему что-то падает.

И меня жизнь резко крутанула с той поры. Ходить стало некуда. Чем заняться, не знала, да и охоты не было до работы большой. Родителям помогать - не доросла еще.Схоронюсь где-нибудь в укромном уголке и вспоминаю радость недавнюю. И запою, как в хоре-то бывало. И вслух, и втихомолку псалмы и молитвы творю. А душа-то плачет, тоской исходит.

Лежу, лежу. День-то мне и ни к чему. Пусть уж всегда ночь стоит. А к лени и болезни подцеплялись, странные такие: вроде бы и не болит ничего, а силы нет нисколечко.

Мать и отец встревожились. Отец привез доктора. Лекарства да дружба с Ефимкой подняли меня на ноги. Пока хворала, на нас с Ефимушкой никто и внимания не обращал. А потом зашушукались. Не дело девчонке с парнем на пару быть. Долго ли до греха? И мама начала браниться. Я стала избегать Ефимку. А зря. Для чего обиженного еще обижать? Подстерег он меня как-то и стал жаловаться на свою горькую сиротскую долю.

- Лишили дома меня, Фенюшка. Я же раньше в сторожке, как у Христа за пазухой жил и не тужил. В тепле и всегда сыт-сытехонек. А теперь бедствую. Кто-то на ночлег пустит, так уже рад-радешенек. Зиму, думал, и не скоротать будет. Боялся, что помру с голоду или околею где-нибудь в поле. А нет, выжил. Летом-то благодать... Кусочки собирать брожу далеко по волости. В больнице как-то дрова колол. Доктор меня к себе опять зимой звал и сказал, что лечить меня попробует. Уйду далеко, а все равно домой тянет, хотя и нет его у меня. И Бога дом на земле разрушили. Он, Боженька-то, на всех людей зла не держит. Знает, что мы Его любим. А вот Илюху наказать следует. Пойдем, Фенюшка, в Головино. Я Илюхе свечку на огородце поставлю. Помнишь, сулил в храме-то?

- Что ты, Бог с тобой? - испугалась я. - Грешно так думать и говорить.

- Не бойся. Во сне мне сама Богородица велит стог сена у него на огороде подпалить.

- Врешь, Ефимка! Не может Пресвятая Дева учить злу. Это лукавый тебя испытывает.

И я без запрета стала сторониться Ефимку.

А зло, как сорная трава, ухода не требует. Из щепотки нарастет, наворочает. Плодовито оно без меры. И Ефимка исполнил задуманное. Его застали врасплох. Илюха осатанел, схватил жердину и пазгнул Ефимушку.

- Ты, Илюха, следом за мной отправишься. Хотя, нет... Маяться долго будешь. Деревяшкой лежать, какой меня зашиб. Помни слово дурака...

Но Ефимке на этот раз повезло. В больнице его доктора не только вылечили, но и ум возвратили...

Взбудораженная Фенюшка не могла успокоиться. Неожиданное появление племянницы внесло в ее тихую, размеренную жизнь сумятицу. Впервые приезд Катеньки не стал ей в радость.

- Малые детки - малые бедки. Запуталась, вроде, Катерина в своих взрослых делах, - вздохнула Фенюшка. Разговоры вслух ни к чему вести. Услышит племянница - осерчает. Это когда она одна, можно беседовать с кем угодно и о чем угодно. Наговориться с собой, с кошками, с козой, с курами. Можно громко браниться с петухом, Петькой-забиякой, горлопаном и проказником. Но долго они не живут в ссоре.Бросит Фенюшка зерна горсточку грубияну. Клюнет он пару раз и закокочет, подзывая подружек-несушек. Может, поэтому и бывает временами Петька спесив и заносчив. Чувствует себя в одном лице. Мужик - хозяин он! Вот и хорохорится, требуя к своей персоне особенного внимания. Мол, не забывайте, курицы, вас-то много, а я один. Еще один петух проживает на самом конце деревни. Но стоит Петьке зайти на его территорию, трусливо шмыгает в подворотню. А уж если Петька догонит его или подкараулит, то трепку задаст отменную. Летят перышки большие и маленькие. До крови бьет забияка соплеменника. Натешится Петька, отряхнется, клюнет себя под крыло, будто саблю в ножны вгоняет. Вспрыгнет на изгородь и лихо прокукарекает - смотрите, вот я какой герой! Посидит на пьедестале почета, упиваясь славой, покрасуется перед чужими курами. С высоты облюбует объект топтания, вихрем смахнет с огорода и исполнит свой петушиный долг. Затем, вразвалочку, отправится к своему подворью. Засеменят чуть-чуть подальше, соблюдая дистанцию, куры. Уважает женская половина своего повелителя.

- Забыла я о вас,- Фенюшка сыпала зерно, - цып, цып-цып, куда вы запропалито?

На зов куры собрались в кружок и клевали дружно, постукивая клювами о пол ограды. Петька стоял в стороне, изредка ударял клювом, косился на хозяйку бусиной глаза.

- Ко-ко-ко, ко-оо-оо-ко-ко! Что, мол, такое стряслось, почему подали не вовремя?

Накормив всю живность, Фенюшка на цыпочках вошла в летнюю избу. Катерина спала. Она тихонько притворила дверь: «Проспится и расскажет, что у нее стряслось».

Фенюшка приметила, когда была у нее Катерина месяцев шесть назад, - живот на нос прет. Но Катерина приезжала с подружкой, и Фенюшка не смогла выбрать момент побеседовать с племянницей. Девчата же укатили быстро, оставив тетку с думой-заботой. Фенюшка ложилась и вставала с думами о Катерине. Писем не было, хотя она писала племяннице трижды.

Теперь вот объявилась-слезы льет крокодиловы. Живота нет, а спросить, где дитя, у тетки не хватает духу. Уж и о себе Фенюшка поведала и еще бы рассказала о своей горькой давней обиде. Ни с кем не делилась, даже перед матерью не раскрылась. А сейчас, вроде, настала пора: может откровенность возбудит такую же откровенность. А то погибнет девка, жалко племянницу.

И вновь Фенюшка забрела в свое давнее-далекое...

После хворобы родители отдали ее в школу. Разных возрастов в то время были школьники. Робкой и застенчивой Фенюшке учеба давалась сложно, с трудом постигала она азы грамоты. Раньше в церковно-приходской школе ее учили совсем другим наукам.

Дочь упрямо твердила, что не хочет посещать занятия.И родители сдались. Только мать с сожалением обронила:

- Будешь, Фенюшка,неграмотная. Замужние, и те, вечерами в школу бегают. Пожалеешь. Близко будет локоть, а не укусишь.

- Парни озорные больно: то над кошками, то над голубями изгиляются, - пожаловалась девочка.

- А ты подальше держись от вольных-то, - посоветовала мать.

- Всякую работу делать стану, только в школу не отправляйте - взмолилась дочь, нервно дергая шерсть в прялке и вертя на колене кругло-острое веретено.

- Ты погляди, Анна, как дочка-то ловко прядет, - похвалил отец. - Наша Фенюшка сноровкой и умением знатной рукодельнице не уступит. А грамота не дается...

- Нет, тятенька, у матушки мне все давалось легко, а тут все по-другому.

- Читать, писать разумеет. А с матерщинниками и вправду ей делать нечего, - заключил отец, и Фенюшка вздохнула с облегчением.

(Продолжение следует).